

Jack Goody. *Metals, Culture and Capitalism.*
An Essay on the Origins of the Modern World.
 Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2012.
 349 p.

Джек Гуди — английский африканист, антрополог и один из наиболее плодовитых авторов, занимающихся гуманитарными дисциплинами. «Металлы, культура и капитализм» — его 24-я монография, написанная через пару лет после того, как Гуди отметил свой 90-й день рождения. Многие работы Гуди весьма известны, по крайней мере в англо-саксонском мире. Любая критика в адрес патриарха, в сущности, неуместна — доживите до его возраста, а потом оцените. Я согласился написать рецензию, исходя из заглавия книги и не вполне представляя, с кем имею дело. А когда спохватился, уже было поздно и написать пришлось.

Итак, Дж. Гуди — крупный британский антрополог. Вернувшись в 1945 г. из немецкого плена, в который попал, сражаясь в Северной Африке, он закончил Кембридж и на всю жизнь остался с ним связан. Полевые исследования Гуди вел на севере Ганы, но известность ему принесли не столько конкретные этнографические открытия, сколько работы на более общие темы — сравнение европейских, африканских и азиатских культур и анализ факторов, способствовавших становлению нашей цивилизации. Среди последних Гуди особо выделял интенсификацию сельскохозяйственного производства, урбанизацию с сопутствующим развитием бюрократии и,

Юрий Евгеньевич Березкин
 Музей антропологии
 и этнографии
 им. Петра Великого
 (Кунсткамера) РАН,
 Санкт-Петербург /
 Европейский университет
 в Санкт-Петербурге
 berezkin1@gmail.com

наконец, распространение письменности — все это в развитие идей Чайлда. С 1980-х его главным противником становится европоцентризм — тоже вполне в духе времени. Акцент на представлении о «многополярном мире», как принято сейчас говорить, породил концепцию множественности «ренессансов» [Goody 2010]. Как тут не вспомнить академика Конрада [Конрад 1966], о котором его британский последователь, вполне возможно, и не слышал.

Обращение к теме «металлов» в истории человечества для Гуди не случайно. В юности он увлекался не только Фрезером, но и Чайлдом и изучал археологию. Вряд ли Гуди затем следил за археологическими открытиями регулярно, но, работая над своей последней книгой, он постарался по мере возможности восполнить накопившиеся в знаниях пробелы. Большая часть рецензируемой книги задумана как конспект истории становления металлургии и металлообработки от их зарождения в неолите Передней Азии до нового времени. Завершается все небольшим эссе, озаглавленным «Металлы, “капитализм” и ренессансы». До него мы дойдем, но сначала об основной части.

Для автора, опубликовавшего в престижных издательствах 23 книги, не будет проблем с 24-й. Но если бы этот автор был бы не столь именит, я не уверен, что его текст вообще кто-либо взялся бы печатать. Для антрополога Гуди сравнительно хорошо начитан в археологической литературе, но для археолога — довольно посредственно. Однако суть дела даже не в этом. Я уж совсем собрался систематически выявить все неточности и ошибки, которые удастся заметить, но вскоре понял, что не в ошибках дело.

Фактологическая основа книги Гуди — это лишь план выражения, в то время как содержание можно свести к нескольким простым постулатам. Книга написана для людей, ничего или почти ничего не знающих об археологических открытиях последних десятилетий и, что самое главное, не ставящих себе целью расширить свой кругозор в соответствующем направлении. Перед нами «миф» по Ролану Барту [1994: 242–244]. “*Quia ego nominor leo*” значит, что я учу латынь, что другие не учат, что я знаю латынь именно на данном уровне и т.д. Здесь тоже читатель призван ощущать, что читает про археологию и про становление цивилизации, и получать от этого удовлетворение. Если же он осознает свое состояние и захочет действительно что-то узнать про Месопотамию, Китай или древнюю металлургию, то обратится к другим источникам — хоть к Википедии, будет и полезнее, и проще.

В книге Гуди «металлы» выбраны в качестве стержневой темы довольно формально. Автор прав — развитие металлургии

и металлообработки сыграло в социальной истории человечества особую роль. Он часто сравнивает металлургию с керамическим производством — не в пользу последнего. Верно и то, что эпоха бронзы в Евразии — одна из важнейших. Но, во-первых, Гуди интересуется все же не столько технология как таковая, сколько ее влияние на общество, а потому он постоянно отвлекается на другие темы, с металлургией и металлообработкой прямо не связанные. Во-вторых, при желании историю человечества можно описать и с позиции гончара или ткача. Такие подходы тоже не будут бессмысленными, но — как и история с позиции металлурга — несколько искусственными. Не металлургия (и не гончарство, и не биотехнологии) определяют развитие культуры, но культура использует любые возможности для развития. В Мезоамерике до конца Классического периода металлы вообще не были известны, да и дальше их роль оставалась несопоставимой с той, какую они играли в Перу, не говоря уже о Евразии. Но это не помешало возникновению цивилизаций Теотиуакана, Монте-Альбана и классических майя — цивилизаций, может быть, экзотических и не во всем симпатичных, но вполне сопоставимых с первыми цивилизациями Восточной и Юго-Западной Азии в отношении социальной сложности.

Тем не менее выбранный автором книги подход в принципе допустим. И если бы Гуди действительно внимательно проанализировал влияние на социальную сферу мировых трендов, обусловленных развитием металлургии и металлообработки, то честь ему и хвала. К сожалению, тема эта затрагивается здесь и там, случайно, «по-журналистски», как комментарий к тем или иным конкретным материалам, без серьезного обсуждения и уж точно без подведения ясных итогов и выводов.

Хотя я написал, что дефекты книги Гуди обусловлены не столько частными неточностями, сколько общим характером изложения, ее жанром, некоторые характерные примеры этих неточностей все же хотелось бы привести. По ним видно, что автор знает и чего не знает. Начнем с неолита Передней Азии.

Гуди пишет, что «примером самого раннего оседлого поселения является Джармо в Курдистане (8500—6500 до н.э.)». Я сразу мысленно перенесся в 1966 г., когда нам, студентам второго курса истфака ЛГУ, о раскопках Р. Брейдвуда на Джармо рассказывал В.М. Массон. Но как давно это было и как неизмеримо далеко продвинулась с тех пор переднеазиатская археология! Так что отодвинем начало оседлости на полтора тысячелетия вглубь времен и не станем связывать ее с появлением земледелия и скотоводства [Березкин 2013: 172–173].

А вот еще. «Плавка [меди], по-видимому, впервые получила распространение в Сузах в Персии к югу от Каспийского моря». Во-первых, Каспийское море — несколько странный ориентир для локализации Суз. Во-вторых, найденные там медные топоры, скорее всего, были привезены с Иранского плато. Понимает ли автор, о чем он пишет, знает ли, кто и когда копал Сузы? Уверен, что нет, а без этого весь разговор не имеет смысла. Ведь утверждение о приоритете Суз надо подкреплять хронологическими выкладками, сравнением с другими ранними памятниками и т.п.

То, что Гуди извлекает информацию из обзорных работ и даже не пытается ее критически осмыслить, бросается в глаза на каждом шагу. Чего стоит “Khasakhstan” вместо «Сузианы», причем именно в этом «Хазакстане» (а не в южной Месопотамии) якобы находился Урук (автор перепутал Казахстан с Хузистаном). Или «первая арабская династия, династия Хаммурапи, утвердилась в Вавилонии в середине III тыс. до н.э.». Простите, но это бред — посмотрите в интернете, когда жил Хаммурапи. А если имеется в виду Саргон Древний, то он тоже жил позже, причем ни Саргон, ни Хаммурапи не были «арабами». Или «в гавани Мерсина печати делали из оловянистой бронзы в халафский период». Это тоже абсурд — халаф закончился к середине VI тыс. до н.э., какая бронза в это время?

Но для читательской аудитории, к которой обращается автор, по-видимому, важны не точные и конкретные факты, а стиль и тон изложения. Действительно ли «местные киммерийцы, фракийцы и фригийцы» обитали на Карпатах в середине II тыс. до н.э., никого не волнует, поскольку потенциальные читатели столь же мало владеют соответствующей информацией, сколь и сам автор. Иногда остается и вовсе развести руками: «Лингвистически европейский степной пояс состоял из двух групп, индо-иранцев на севере и сейминско-турбинского населения на юге». В другом месте автор относительно правильно локализует сейминско-турбинские памятники как распространявшиеся с Алтая по лесостепи в Восточную Европу (вплоть до Финляндии).

Несоответствия, скорее всего, означают, что Гуди просто не помнит, где, что и когда было. Делая выписки, он не в состоянии привести их в систему. Учитывая его возраст, это прощательно. Но сопоставлять индоевропейцев (т.е. носителей определенных языков) с создателями бронзовых орудий определенных типов, о языке или языках которых мы не имеем понятия, невозможно по определению, и это уже непростительно для любого гуманитария независимо от возраста и прошлых заслуг.

С языками в книге вообще беда. «Это “пиктографическое письмо” [имеется в виду критское иероглифическое. — Ю.Б.] было оставлено в пользу слогового линейного А, очевидно, использовавшегося для передачи лувийского языка, который, возможно, был языком Трои и родственен индо-европейскому хеттскому». Линейное А не дешифровано, язык его не известен. Может быть, он и был родствен лувийскому, может быть, этрусскому, но это надо доказать. Про язык Трои и того хуже, он нам совсем не известен.

А вот еще: «Шумерские города-государства возникли около 3500 г. до н.э.» С датировкой почти правильно, но только мы не знаем, на каком языке говорили в это время в Уруке и Ниппуре, поэтому называть города Южной Месопотамии IV тыс. до н.э. шумерскими некорректно. Тем более что значительная часть шумерской культурной лексики, как известно, нешумерского происхождения.

Никто не требует от африканиста быть компетентным в археологии Малой Азии или Балкан. Но если уж автор взялся за подобные темы, то неужели трудно проверить себя — опять-таки хоть по Википедии. «В Чатал-хеюке медь появляется даже раньше керамики». В Чатал-хеюке керамики мало, но там нет докерамических слоев, поэтому утверждение Гуди не имеет смысла. «Культура кукутени-триполье в Болгарии и Румынии». А может быть, все-таки в Румынии, Молдове и Украине?

Гуди опирается почти исключительно на вторичные источники. В его библиографии менее 400 публикаций, что для работы такого масштаба недопустимо мало. Опора на вторичные источники всегда ведет к прогрессирующему росту числа ошибок. В свое время чертежница случайно поставила цифру «2» не там, где в масштабе было отмечено 2 м, а там, где должно было быть 2,5 м. В результате В.М. Массон пришел к заключению, что в конце III тыс. до н.э. самой бедной социальной группой на поселении Алтын-депе в Южном Туркменистане являлись ремесленники (их дома по площади меньше других; [Массон 1981: 105, 107, рис. 12]). Ошибка чертежницы была замечена и вывод исправлен [Березкин 1994]. Однако Гуди, естественно, не следил за частными публикациями (тем более русскоязычными) и почерпнул информацию из работы Ф. Хиберта, который ошибку Массона повторил [Hiebert 1994]. Это мелкая, но вместе с тем характерная подробность. Зачем Гуди вообще нужны ремесленники Алтын-депе, богатые или бедные? Они упомянуты без всякой специальной цели, из неосознанного — скорее всего — желания продемонстрировать собственную осведомленность. Но осведомленность эта фиктивная. Отнеся Туркменистан к «циркумпон-

тийскому региону», Гуди и вовсе ввел читателей в замешательство.

Пишет Гуди и о «докерамическом Мергаре 6000–5000 гг. до н.э., когда торговые связи со Средней Азией и Аравийским заливом были уже установлены». Мергар I — это первая земледельческо-скотоводческая культура Белуджистана, датируемая VII тыс. до н.э. и с производством керамики не знакомая. В Средней Азии производящая экономика (джейтунская культура) появляется лишь в самом конце этого тысячелетия. Сходство кремневой индустрии Джейтуна и Мергара, видимо, объясняется общим происхождением. Однако мергарцы ушли из Переднеазиатского региона на восток еще до распространения керамики, а джейтунцы заселили подгорную полосу Копетдага в то время, когда керамика уже стала известна. Торговых же связей между Мергаром I и Джейтуном не могло быть, ибо это разновременные комплексы.

Не лучше дела и с Восточной Азией. Верно, что бронза проникла в Китай около 2000 г. до н.э. и получила широкое распространение в культуре эрлитоу, но неверно, что это произошло в 1600–1400 гг., поскольку эрлитоу датируется временем 1900–1500 гг. до н.э.

Весьма характерно для стиля Гуди и такое утверждение, тоже касающееся бронзового века бассейна Хуанхэ: «Бронза лишь изредка попадала за стены поселений культуры луншань на Центральных равнинах [на Северокитайской равнине. — Ю.Б.] и вошла в широкое употребление лишь на памятниках династии Ся, таких как Эрлитоу». А на памятниках луншань бронза вообще есть? И что значит «памятники династии Ся», на них написано название династии? Такой оборот ожидаем от китайских археологов, но Гуди живет в Европе и мог бы, никого не обидев, выразиться корректнее.

Написанное Гуди о Доколумбовой Америке вообще лучше забыть и не вспоминать — это слишком дискредитирует уважаемого ученого. Источником служат две работы 1960-х гг., посвященные древним цивилизациям в целом. Простое «фоновое» знание о культурах Мезоамерики и Центральных Анд, которое нормальный студент получает из разговоров в коридоре, должно, как мне кажется, лучше соответствовать реальности. И даже в те далекие годы, когда Гуди еще учился, некоторые элементарные сведения об ацтеках и инках уже были доступны. Да что там — разве и в XIX в. не было известно, что ацтекская культура возникла не в середине I тыс. н.э., а позже, и что инки и некоторые их предшественники обладали мощной и вполне полноценной металлургией бронзы?

Единственный раздел в книге Гуди, где автор пишет со знанием дела, — это несколько страниц про африканских кузнецов, ибо их он действительно знает по личному опыту. Все остальное — в лучшем случае сбивчиво, в худшем — совсем неверно.

Иногда кажется, что фактические ошибки Гуди вызваны не трудностями добывания информации и даже не его неосведомленностью: он просто не думает, что пишет. «Персы продвинулись из Средней Азии в горы Загроса в начале I тыс. до н.э.», «а в конце этого тысячелетия к ним прибавились тюрки». Трудно поверить, что Гуди уж совсем ничего не читал о времени разделения тюркских языков и миграции тюркоязычных народов. Однако нельзя исключать, что он ни разу не перечел своего собственного текста, а попросил заниматься подробностями помощников. И уж тем более Гуди, как и любой человек, должен понимать, что необожженные глиняные сосуды чересчур хрупки, чтобы ими пользоваться, да и жидкость в них не налить. И тем не менее автор пишет: «Сосуды высушивали на солнце или обжигали на открытом огне». Что он имел в виду? Да, скорее всего, ничего.

Обращать внимание на опечатки — плохой тон, ибо это вина скорее корректора, нежели автора. Но некоторые опечатки корректор поправить не может, и тут возникают вопросы. Например, на карте 13, где показаны культуры Китая, «чжоу» обозначено как Zhao, а не Zhou. А вдруг это не опечатка? Правда, «Империя Чжоу (Zhou)» в одном месте упоминается, но я уже не уверен, что Zhao и Zhou для автора книги одно и то же. Кстати, назвать Чжоу «империей» можно разве в какой-нибудь детской книжке — не было в Китае «империй» до Цинь Ши-хуанди.

В указатель ни Zhao, ни Zhou не попали, зато попала “Socatra”. Имеется в виду остров Сокотра, который назван «Сокатрой» и в тексте. Понятно, что знание китайских династий и йеменских островов не обязательно для корректоров, но оно обязательно для автора, предлагающего анализ алгоритма становления мировой цивилизации.

Вообще Древнему Китаю в книге повезло лишь немногим больше, чем Новому Свету. Основным источником Гуди служит [Chang 1977], а точнее [Chang 1968], потому что Гуди ссылается на третье издание, которое просто повторяет два предыдущих. По К. Чану и я знакомился с китайской археологией в 1967 г., но сколько глины унесла с этих пор Хуанхэ в Желтое море!

Гуди искренне поражен информацией, которую он нашел в переведенной в 1992 г. на английский книге Е.Н. Черныха о древ-

ней металлургии на территории СССР. Оказывается, проникновение бронзовой технологии в Китай происходило совсем не так, как ее распространение «из Ирана в Индию». От Черных же Гуди узнал о сейминско-турбинском феномене. Прекрасно — лучше поздно, чем никогда. Но все же личные открытия такого рода скорее ожидаемы от студента, чем от автора книги, изданной ни много ни мало, а Cambridge University Press.

Не раз останавливаясь на подробностях (иногда посторонних для его темы), Гуди пропускает целые разделы если не мировой, то по крайней мере региональной истории. Ни слова, т.е. совсем ни слова нет о культуре варна и древнебалканской металлургии меди и золота — самой передовой в мире для своего времени (V тыс. до н.э.). Ни слова нет о североамериканской традиции изготовления изделий из самородной меди — а ведь это 4,5 тысячелетия и полконтинента. В Китае Гуди знает про Аньян и — даже удивительно — про Саньсиндуй, но третий бронзолитейный центр II тыс. до н.э., Учен, остался вне кругозора британского антрополога.

Помимо перевранных данных и зияющих пропусков, обзор Гуди отличает еще один недостаток: он плохо структурирован. Автор то и дело и без всякой необходимости перескакивает с одной темы на другую, то начинает рассказывать о средневековье, то вдруг возвращается в далекое прошлое. Почему, например, раздел про венецианскую торговлю (к которой автор потом еще обратится) оказался раньше раздела про бронзовый век евразийских степей?

Вопрос риторический, и ответ на него, к сожалению, может быть только один. Перед нами не исследование, а имитация научного дискурса. Гуди знает довольно много и вовсе не всегда ошибается. Но ведь и утверждение, будто «все критяне лжецы», не предполагает, что все критяне постоянно говорят неправду. Оно значит лишь то, что критяне могут солгать и соответственно им нельзя верить. А если обзорному тексту нельзя верить, то зачем же он вообще нужен?

А теперь о последних страницах книги, за которыми следуют еще лишь два маленьких приложения, касающиеся технологии железодельного производства, а дальше уже указатель и список литературы. Как и основная часть, это небольшое эссе написано тяжело и невнятно. Автор словно бы комментирует сам себя или, отвечая на чьи-то возражения, приводит не доводы, а примеры. Рассуждения о монотеизме, политеизме, металлах и демократии (они есть и в основном тексте) годятся для социальных сетей, но не для научного издания. Тем не менее основная идея Гуди понятна.

Гуди, как уже было сказано, — противник европоцентризма в описании мировой истории. Тут я с ним целиком согласен. Между IV и XII вв. н.э. ведущие центры цивилизации находились где угодно, но уж точно не в Европе. В этом смысле всемирную историю, конечно же, надо переписать таким образом, чтобы любому образованному человеку слова Тан, Сун или Хейян были столь же знакомы, как каролинги или Ганзейский союз. Но эту позицию бессмысленно отстаивать, перечисляя, кто что у кого заимствовал и воспринял. Это вопрос не «геополитики», а нормальной истории, работающей с конкретными фактами и не ангажированной для доказательства заранее принятой аксиомы.

В то же время попытки затушевать роль Западной Европы как региона, в котором на протяжении примерно 500 лет от 1200 до 1700 гг. н.э. произошел выход мировой цивилизации на принципиально иной качественный уровень, были и останутся бесполезны. Ведь перед нами единственный в своем роде процесс, произошедший в силу стечения множества в значительной мере тоже уникальных обстоятельств. Такого рода прорывы в мировой истории случались и раньше — это становление переднеазиатского неолита и экспансия его носителей (X/XI—VII тыс. до н.э.), а затем появление города, государства и письменности в Месопотамии в IV тыс. до н.э. Эти древние «революции» тоже повлияли в конечном счете на весь мир, но темпы развития и масштабы процессов были все же другими. Так что поиски «ренессансов» в Индии, Китае или где-то еще выглядят просто абсурдными. Когда ренессанс на Дальнем Востоке искал Н.И. Конрад, его задача состояла прежде всего в том, чтобы не попасть в опалу, а для этого попытаться вписаться в марксистский универсальный эволюционизм. Но когда то же самое пытаются делать современные интеллектуалы, в этом можно видеть лишь нелепый комплекс вины и неполноценности. Достижения нашей цивилизации никоим образом не умаляют достижений индусов или китайцев — если, конечно, заниматься наукой, а не политикой и пропагандой.

Я начал с того, что критиковать патриарха, сохранившего в столь почтенном возрасте в общем и целом ясную голову, не очень удобно. И действительно, проблема вовсе не в Джеке Гуди. Автор может думать и писать что угодно, но за выходом книги в крупном издательстве всегда стоит определенная социальная группа. Ведь книгу читали и рецензировали до того, как она была напечатана, а отдел маркетинга наверняка просчитывал, много ли экземпляров удастся продать. Видимо, оценки были оптимистичны.

На задней странице обложки книги Гуди написано, что «этот критически важный (landmark) текст, в котором сплетены столетия, культуры и континенты, обещает стать источником новых идей для всех, кто работает в сфере гуманитарных наук или еще учится в университете». Столетия, культуры и континенты в книге действительно сплетены, но результат все же больше похож на спутанную леску от спиннинга, нежели на узорный келим. Если «добро» на публикацию дали исследователи, то возникает вопрос. Неужели уровень знаний в нашей науке так низко упал? Но вряд ли дело в этом. В Англии, США и других странах выходит немало замечательных монографий, посвященных древним цивилизациям — правда, чаще всего монографий коллективных и не включающих материалы со всего мира и по всем эпохам.

Автор этой рецензии знает о древней истории немножко больше, чем Джек Гуди, но взявшись за тему такого масштаба, тоже наверняка наделал бы массу ошибок. Есть объективные трудности: скорость накопления знаний в археологии и смежных дисциплинах сейчас выше, чем способность сколь угодно работоспособного человека угнаться за всеми необходимыми публикациями. Так или иначе, но выход книги Гуди есть событие скорее политическое, чем научное. Насколько оно вообще значимо для Великобритании — судить не берусь, но надеюсь, что не очень.

Библиография

Барт Р. Избранные работы. М.: Прогресс, Универс, Рея, 1994.

Березкин Ю.Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н.э. // Вестник древней истории. 1994. № 3. С. 14–27.

Березкин Ю.Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2013.

Конрад Н.И. Запад и Восток: Статьи. М.: Наука, 1966.

Массон В.М. Алтын-депе. Л.: Наука, 1981.

Chang K. The Archaeology of Ancient China. New Haven; L.: Yale University Press, 1968. 3rd ed.: 1977.

Goody J. Renaissances: The One or the Many? Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.

Юрий Березкин